

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 45 (1156)

Суббота, 27 октября 1945 г.

Цена 45 коп.

3 стр. Н. Харджиев, Велемир Хлебников, С. Липкин, К. Рахматулин. Киргизские прозаики. Евг. Рыс...

4 стр. С. Маршак. Из Джона Китса (стихи). М. Розов, Джон Китс. И. Кочера. Будущие книги. А. Ракин...

КОРОТКИЙ РАССКАЗ В ЖУРНАЛЕ

Какое место художественной литературы в «тонких» журналах? Они систематически предоставляют свои страницы для стихов и прозы...

Короткий рассказ — один из самых «трудных» жанров. Читатель ищет его, но слышит и рядом получает взамен либо либо перекрашенные «боевые эпизоды»...

В литературе идут новые, талантливые люди. Они несут с собою богатство жизненного опыта, накопленного в боях за свободу и независимость советской родины...

Пока же небольшая территория, представленная в «тонких» журналах художественной прозой и стихом, слишком часто занимает вещами, которые этого не заслуживают...

Другой распространенный недостаток «тонкожурнальных» рассказов — дурная «литературность», следование затрепаным «беллетристическим» штаммам...

В одном из номеров журнала «Ленинград» А. Прокофьев справедливо пишет об «угрожающей явлении шаблонности». В чем он выражается? В прямо-таки поразительном сходстве сюжетов рассказов разных авторов...

Рассказы и стихи помещенные в «тонком» журнале, должны быть органически связаны с окружающими их статьями, очерками, фотографиями, репортажем...

В «тонких» журналах за этот год появились интересные и содержательные рассказы, хорошо подобранные страницы стихов известных советских поэтов...

Указ Президиума Верховного Совета СССР О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ КИКОДЗЕ Г. Д. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

За выдающиеся заслуги в области истории и теории литературы и в связи с 40-летием литературной и публицистической деятельности наградить Кикодзе Георгия Дмитриевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль, 23 октября 1945 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ ЭРИСТАВИ-ХОШТАРИА А. Г. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

За выдающиеся заслуги в области художественной литературы и в связи с 50-летием литературной деятельности наградить писательницу Эристави-Хоштария Анастасию Георгиевну орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль, 23 октября 1945 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР О НАГРАЖДЕНИИ ПИСАТЕЛЯ ГРИГОРЬЕВА С. Т. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

За многолетнюю плодотворную деятельность в области художественной литературы, в связи с 70-летием со дня рождения, наградить писателя Григорьева Сергея Тимофеевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль, 24 октября 1945 г.

Памяти Николая Бараташвили

Литературная общественность Тбилиси отмечала 19 октября славную дату — столетие со дня смерти великого грузинского поэта Николая Бараташвили. В переполненном концертном зале им. Рушбадзе...

Обширная площадка вокруг могилы Бараташвили залита народом. Среди присутствующих — председатель республиканского бюро юбилейного комитета М. Джини, ученые, писатели, артисты, учащиеся...

В Государственном литературном музее в Тбилиси открылась выставка, посвященная жизни и творчеству Бараташвили. В документах, иконографии, картинах, изданиях...

Вечером 21 октября в переполненном зале Театра оперы и балета им. Пашавадзе состоялось торжественное заседание партийного, советского и профсоюзного актива Тбилиси...

Второй день работы пленума открылся в Доме писателя докладом акад. К. Кекелидзе на тему «Скорбь Бараташвили». Затем были заслушаны доклады К. Чичинадзе о поэтике Бараташвили, А. Гамели об эпистолярном наследии поэта...

С обширным докладом о жизни и творчестве Бараташвили выступил народный комиссар просвещения В. Куррадзе. Он говорил, что юбилей великого поэта — праздник не только грузинского народа, но и всех народов Советского Союза...

С утрата 21 октября г. Давид, где находится могила поэта, по каменной ступеньке поднялись к могиле поэта. Здесь похоронены великие грузинские поэты Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела, Нико Николадзе...

С. Обширный доклад о жизни и творчестве Бараташвили выступил народный комиссар просвещения В. Куррадзе. Он говорил, что юбилей великого поэта — праздник не только грузинского народа, но и всех народов Советского Союза...

25 октября в Вильнюсе открылся съезд литовских писателей. На съезде присутствуют писатели из братских республик, которым литовские писатели в дни войны завязали прочные творческие связи...

В заключение состоялся большой концерт, в котором приняли участие лучшие артисты республики. ТБИЛИСИ. (По телегр. от наш. корр.)

Съезд писателей Литвы

25 октября в Вильнюсе открылся съезд литовских писателей. На съезде присутствуют писатели из братских республик, которым литовские писатели в дни войны завязали прочные творческие связи...

Первым выступил председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР тов. Ю. Палецкис, призвавший участников съезда оправдать великое звание советского писателя...

В заключение состоялся большой концерт, в котором приняли участие лучшие артисты республики. ТБИЛИСИ. (По телегр. от наш. корр.)

Из новых книг ЗВЕЗДЫ В ОЗЕРЕ

Советский читатель хорошо знает роман Ванды Василевской «Пламя на болотах», который был опубликован в 1940 г. и явился первым в истории советской литературы...

что он захватил рукунисе и в корабле противника зарыл ее в подвале какого-то дома. Товарищи на Лявоковом острове партизанскими тропами и нашли рукунисе...

Крестьяне сохлились медленно, по-одиночке. Но когда пронесся слух, что речь пойдет о дележке земли, все живо побросало работу и поспешило в усадьбу...

— Товарищи, прошу успокоиться! — Овсеенко уже колотил по столу. — Так мы ни к чему не придем! Мужики успокоились, испугавшись, что он прервет собрание...

— Ну да, чтобы мошенничали! — возмущался Парурича. — Этак каждый сбредет! — Это ты бы, может, сбросала! Не все такие жадные, как ты!

— И верно! Знаем мы вас! Семен вскричал на стул. — Слушайте, что тут спорить? Есть же планы, которые Каровский делал для коммун...

— Ну, это же мы поглядим. Хмельничук снова в толпе и вмешивался в разговоры. — Теперь уж так, каждому земля. То коухом был, служил в именьи, а теперь будет у себя хозяйство...

— Ну, это не дожидаться! Усадьбу! Самую то лучшую землю! Тине, вы! — крикнул Семен. — Они не могут, успокоились, но продолжали возвращать исподтишка...

— Ну, да! В Порухах сделали какой-то там... совхоз, или как его? — Что это? — Ну, стало быть... К государству переделали землю...

— И ты что? Сам хочешь корове сныки щупать? — возмущался Парурича, которая выбрала, наконец, корову, и уже как своя держала ее за рог, стоя возле нее, словно на часах...

— Видишь? Как это всегда выходит! Только как бедного человека обидеть... Только что у них, своей земли мало, что ли? Хмельничук говорил и тесно кучку и неуверенно поглядывая на мужиков, сразу покая, а чем дел, только Лучук, который по слухам, сидел когда-то в тюрьме...

— Мир, товарищи! Наступил у нас великий день, какого и не было раньше. Пусть русский народ, вырвавшийся из-под пяты карателя, приближающуюся толпу, настроченый, улыбаясь, вышел Иаис и Стена, которые остались по поручению деревни присматривать за скотом и инвентарем...

— А что ж, голкиш... Своем своему поговелю брат. — Потине, вы! Постыдился бы! — возмущился Данило Совнок. Они притихли. — Да есть это Овсеенко или нет его? — снова потерял терпение кто-то из толпы...

— Ну, конечно, пойдём домой! — Ну, конечно, пойдём домой! — И продолжала стоять. Шелковистая корова шерсть мягко ложилась ей под кожу. Низко свешивалась между мордочкой молодой женщины, Парурича зашла спереди, поглядывая на спящую корову...

— Да вот кто и как будет получать? По-скольку? — уточнил Рафанюк. — Те, у кого ничего не было, те у кого мало было! — рявкнул Семен. Рафанюк возмущенно взглянул на него...

— И коров, и лошадей, и все. По справедливости, что кому полагается. — Он потерял нить. Овсеенко выступил вперед. — Все? — Вроде все. Только, я хотел еще сказать... Что, значит Красная Армия... И мы... — А конечно, за советскую власть, уж это так! — громко поддержали Совоки...

Семен сошел с болота в толпу. Его сменил Овсеенко. Он говорил долго и учено. Крестьяне и не пытались его понять. Глаза их озабоченно бегали по просторному живописно, по изрытым картофельным полям, по полюсам, где лежали еще рыхлые снопы грядки...

— Ну, пойдём домой! — сказала она бодро, и шестые тронулись. Большая коровья корова, женщина и пятеро еле последние вьющих на нем мальчишек. Перевела с польского Е. УОСЕНЬИЧ.

Рига. Памятник Свободе. Зарисовка художника И. ГУРОВА.

Литература, рожденная Октябрем

До революции мы имели единственное художественное произведение — поэмю М. Можжана «Беглец» (1910 г.). Поэма изображала беглеца, хотевшего и страстный протест бунтаря-одиночки против слепого ужасного кромешного прозвона царского суда. Любопытно то, что лет за пять до того М. Можжана написал поэмю «Суд». Опять же там же Суд, судопроизводство, кривда суда. Так человек большого таланта, страстной мечты не мог выжить из тяжелых пут шемкинского суда. Протест против всего самодержавного строя для М. Можжана протекло только... в тени суда с его крохотворством; такова была жизнь.

Октябрь выдвинул большие темы, раскрыв безбрежные горизонты. Октябрь сразу выдвинул и несколько одаренных удмуртских писателей. Мы услышали голос поэта М. Прокляева. Он начал писать в окопах, на гражданской войне. В маленьком городке Осе он издал в 1918 г. сборник стихов. В борьбе с врагами революции Прокляев погиб, а весь тираж его сборника, попавший в руки белогвардейцев, был уничтожен. Прокляев же перевел несколько произведений Пушкина на удмуртский язык.

Даниил Майоров вместе с Прокляевым начал удмуртскую поэзию, и в его стихотворениях воспета радость новой жизни. Майоров пал жертвой буржуазного национализма, видевшего в нем смертного врага. Его произведения получили в удмуртском народе широкое распространение. Лучшие стихи поэта переведены на русский язык и напечатаны в сборнике «Золотые гуси».

Советская жизнь дала много тем и поэту И. Дядюкову. Он писал лирические стихи и басни, стилизованные памфлеты и прозаические бейготы. Он откликнулся на многие важные события крестьянской жизни Удмуртии.

Мы могли бы перечислить многие произведения, рожденные в нашем народе Октябрем. Назовем повести Александра Миронюкова «Восемнадцатый», «Под солнцем», «Кыдало». В них описаны крестьяне-колхозники, бои на фронте, первые удмуртские рабочие.

Костас КОРСАКАС Писатели Советской Литвы

Писатели Советской Литвы 25—27 октября с. г. собрались в Вильнюсе на свой первый съезд. Это — важное событие в литературной жизни республики. Оно обязывает литовских писателей подвергнуть тщательному анализу проделанную ими работу.

В литовской советской литературе ведущее место занимают писатели, в дни Отечественной войны находившиеся в эвакуации — в братских республиках. Теперь они дают своему народу творческий отчет в совершенной ими работе. Уже изданы сборники своих стихов, написанных в период Отечественной войны, Людас Гира, Саломея Нерис, А. Венцлова, В. Рейсиса. Недавно появились сборники поэзии того же периода жизни К. Корсакаса, Э. Межелайтиса, В. Мозуронса, книги рассказов П. Шницра. Вышла из печати книга критических этюдов К. Корсакаса и сборник фронтовых очерков А. Венцлова.

Эти книги являются не только литературными документами Великой Отечественной войны, но и утверждением советских принципов развития литовской литературы. Только советский строй мог даже в дни тяжелых испытаний дать литовским писателям возможность обогатить родную литературу ценными произведениями, которые останутся в ней на долгие годы.

С какими же работами выступили в освобожденной Советской Литве писатели, оставившие под немецким ярмом. Ясно, что они были лишены элементарнейших условий для работы. И если все же кое-что ими было создано, то это только благодаря величайшему их самоотвержению, благодаря горячей любви к литовской литературе, к своей родине.

Эти писатели сегодня также отчитываются в своей работе перед литовским народом. Поэт Т. Тильвинтис немцы сначала заключили в концлагерь. Выбравшись оттуда, он все время оккупации прожил в сельской глуши. Теперь Тильвинтис сдал в печать свою поэмю «Пахарь» и сборник сатирических стихов, К. Борута передал издательству роман «Мельница Балтаранса», написанный на мотивы литовских народных сказаний, К. Якубас издал сборник стихов для детей. Вскоре выйдет в свет поэмный сборник стихов талантливого поэта Витаутаса Монтивяла, которого фашисты заставили расстрелять в начале оккупации. Известный драматург Балас Сруога был брошен гитлеровцами в штурмовский лагерь смерти. Освободила его только Красная Армия. Во время войны им написано две исторические пьесы, одна из них — «Долга предвещает» — вскоре выйдет из печати. Теперь В. Сруога работает над воспоминаниями о пережитом в лагере смерти.

А. ЕЛИСТРАТОВА Джонатан Свифт

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

В завидном и грустном стихотворении «На смерть доктора Свифта», написанном в 1731 году, Свифт предсказал, что литературная слава его не будет долговечной. Пройдет год после его смерти, и заезжий провинциал напрасно будет спрашивать у лондонского кинжотгороца о его сочинениях: вместе с прочей бумажной мутатурой они будут уже проданы на вес столикунного кондакера.

Горькое пророчество Свифта не сбылось. Человечество сумело оценить и его дерзкую волюнтаризму «Сказку о бочке», входящую в цикл его сатирических памфлетов, и политическую философию, отстаивающую конституционную монархию и защиту угнетенного.

Путешествия Гулливера, где каждая фантазия, пленяющая каждого ребенка, сочетается со скорбной и напряженной работой великого ума, итоги которой выдержали двухвековую проверку истории.

Не все, написанное Свифтом, выдержало эту проверку. Сам он, шутя, определял число своих памфлетов той же цифрой — 91, что и число щепочек, сковавших Гулливера — Чезека-гору — в стране лилипутов. «Великая челядь» — назвал свою книгу о Свифте один из его новейших биографов.

Участие в политической жизни Англии в годы, когда власть оспаривали друг у друга либеры, в сущности, одинаково далека от народа партии — торж и янки, так же как и принадлежность к государственной английской церкви, нередко вынуждала его посягать на свободу публицистического таделания интересов, ему, в сущности, чуждых. Свифту приходилось мириться сорижениями руководителей торийской верхушки, восхвалять государственную мудрость королевы Анны, отстаивать права английских епископов на ренту с церковных земель и высчитывать десятину со льна и конопли. Как и Чезека-гору, Гулливеру приходилось присягать на верность императору лилипутов и служить украшением его парадов. Многие в обширном литературном наследстве Свифта представляют теперь лишь исторический интерес. Но те, хотя бы сравнительно и немногочисленные, посвященные ему, которые живут и поныне, обещают ему совершенно исключительное положение в истории английской литературы последнего времени.

Младен ИСАЕВ

секретарь Болгарского союза писателей

Болгарские писатели-фронтовики

День 9 сентября 1944 года для болгарских писателей-антифашистов был, как и для всего народа, днем всенародного праздника свободы.

Когда болгарский народ, освобожденный при братской помощи Красной Армии от немецких оккупантов, послал своим храбрым своим сынов бороться с остатками фашистских полчищ в Сербию и Македонию, на фронт отправился и писатели. Они были военными корреспондентами, но в дни напряженных боев многие из них отложили в сторону перо и с оружием в руках принимали участие в сражениях.

В эти суровые дни битвы за освобождение Родины, за ее светлое будущее пали смертью храбрых два наших талантливых товарища — Матвей Велев и Иван Хаджицкий. Велев был автором нескольких талантливых рассказов и повестей о партизанской жизни Болгарии и зарубежной Бразилии. Иван Хаджицкий своим глубоким исследованием быта и душевного мира нашего народа, своим живым и темпераментно написанными произведениями занимал одно из первых мест в рядах писателей, ученых и философов.

После того, как немцы были разгромлены в пределах Македонии и Сербии, Первая болгарская армия отправилась далеко, в Стремские равнины, а затем в Венгрию, чтобы участвовать в окончательном разгроме немецко-фашистских полчищ. Вместе с армией ушел на новый фронт 250 известных представителей болгарского искусства и печати — писатели, артисты, художники, музыканты, журналисты. Среди них было немало женщин и девушек, добровольно обрели себя на суровую боевую жизнь.

Неотступно шагая в рядах бойцов Первой болгарской армии, писатели приняли участие в боях в Венгрии, в Австрии и в Словении.

В числе писателей-фронтовиков были наши прозаики Павел Везинков, Иван Мартинков, Димитр Чавдаров, Стоян Даскалов, Станимир Дилинов, Михаил Брезов, поэты — Лама, Младен Исаев, Ангел Тодоров, Иван Бурин, Иван Мусаков, Мария Габриелова, Лакатник, Райола Ралия, Крассимир Рудников, драматурги Александр Гиргинов и Петр Славинский.

Эти семнадцать писателей добровольно отправились на фронт и в развешенных солдатских вещах переживали боевые дни. Стихи, рассказы, очерки и вдохновленные своими соотечественниками-воинами боевые полчища в справедливой Отечественной войне. Они работали в армейской газете «Фронт», юмористическом журнале «Часовая» и других фронтовых изданиях, вели борьбу с орудиями первой линии, читали солдатам свои произведения.

За проявленную храбрость боевым орденом «За отвагу» награждены Бурин, Мусаков, Гиргинов, Исаев, Лакатник, Ралия, Рудников. Все другие писатели-фронтовики награждены орденом «За военные заслуги». Этим награждением командование подчеркило значение вклада, внесенного писателями в общее дело победы над фашистской Германией.

По окончании военных действий писатели вернулись домой полные неповторимых впечатлений от Великой Освободительной Отечественной войны, и болгарская общественность ждал от них волнующих книг о войне, о героизме воинов-болят, о боевом братстве между нашими бойцами и гонимым Кривой Армией и Югославской народной армией маршал Тито.

София.

Аалы Токмобева — народный поэт Киргизии

ФРУНЗЕ. (От наш. корр.). За выдающиеся заслуги в области развития киргизской советской художественной литературы, создание ряда крупных произведений из жизни народа основоположница киргизской советской поэзии Аалы Токмобева Указом Президиума Верховного Совета Киргизской республики присвоено звание народного поэта Киргизской ССР.

Статья печатается в порядке обсуждения. См. «Л. Г.» № 28, 43, 44.

Иллюстрации художника П. Павлинова к «Цусиме» А. Новикова-Прибоя (Воениздат)

Б. МЕЙЛАХ

От слов — к делу!

Литературная пропаганда достигла в годы войны невиданного размаха. Не прекращалась и научная работа по истории литературы в институте Академии наук, в вузах. В дни 25-летия Октября на специальных сессиях подводились итоги в области развития советского литературоведения. Мы еще раз убеждались, как значительно, по сравнению с довоенным литературоведением, достижения в исследовании литературы древней и новой, русской и мировой, как важна для социалистической культуры работа всех отрядов науки о литературе, как много сделано для борьбы с реакционными легендами о классиках, с вульгаризаторскими точками зрения.

Но не о достижениях хочу я говорить сегодня и не об «отделанных недостатках». Оставим на время критерий относительности и скажем с прямой, без которой не может быть движения вперед: наша наука о литературе весьма слабо использует для своего роста результаты, которые достигнуты ее предшественниками, и те возможности, которые открываются для нее в творческом усвоении и разработке марксистско-ленинской теории. Пусть неограниченно покажется мое утверждение, что теоретическая вооруженность литературоведения является все еще неудовлетворительной. Однако без понимания причин этого явления нам дальше не двинуться.

В современных историко-литературных работах, как правило, широко цитируются классики марксизма, но все богатство теоретического наследия марксизма-ленинизма весьма слабо разрабатывается в применении к специальной области изучения художественного творчества. Ценнейшее указание классиков марксизма по вопросам литературы большей частью не развивается в историко-литературных работах, не становится опорой для новых построений, а используются догматически.

В этой связи следует напомнить о словах товарища Сталина из его доклада на XVIII съезде партии: «Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем, чтобы мы, потомки классиков марксизма, имели возможность спокойно лежать на пеньке и жевать готовые решения. Но мы можем и должны требовать от марксистско-ленинцев нашего времени, чтобы они не ограничивались заучиванием отдельных классических положений марксизма, чтобы они вникали в существо марксизма, чтобы они научились учитывать опыт двадцатилетнего существования социалистического государства в нашей стране, чтобы они научились, наконец, опираться на этот опыт и исходя из существа марксизма, конкретизировать отдельные общие положения марксизма, уточнить и улучшить их».

При чтении современных литературоведческих работ чувствуешь, что авторы их твердо убеждены в том, что классики марксизма выработали готовые решения по всем вопросам и нашей специальности. Возьмем, к примеру, проблему реализма. О сущности его имеются драгоценные, основополагающие для нас высказывания Маркса и Энгельса.

Статья печатается в порядке обсуждения. См. «Л. Г.» № 28, 43, 44.

гельса. Но при механическом переносе суждений Маркса и Энгельса о западноевропейском реализме на русский реализм XIX века игнорируются важные обстоятельства: 1) русский реализм отличается от западноевропейского тем, что русские классические писатели XIX века были, благодаря специфическим особенностям исторического развития, несравненно ближе к народным массам и отражали народные чаяния с несравненно большей широтой и четкостью, чем, скажем, писатели этого же периода английские, немецкие, французские; 2) рядом с критизмом и отрицанием классической русской литературы отличает ее богатством положительных идеалов, характерно, что эту отрицательную особенность русской литературы отмечают, как правило, почти все видные английские, французские и американские критики; указание на то, что именно у русских писателей с неупомянутой глубиной и тонкостью воплощены положительные идеалы, в русской литературе даны критерии нравственного совершенства, человечности, благородства и справедливости, — все это является общим местом в работах иностранцев о наших великих реалистах-классиках. У нас же обо всем этом пишется вскользь и говорится скоромговоркой.

«Как? — прервет меня здесь «критик-строгий», — приверженец всяческой «умеренности и аккуратности» — «Вы хотите вернуть нашу науку к разговорам о «добре и зле», о «справедливости» и т. д.». В ответ на подобный упрек я мог бы напомнить поучительный эпизод. В конце 90-х — начале 900-х годов находились «марксисты», утверждавшие, что анализ проблем этики и морали — удел буржуазных ученых и что «новым людям» подобные интересы не к лицу. Эти вульгарные утверждения были подхвачены тогда с ликованием народниками и, в частности, Михайловским, писавшим, что марксистский детерминизм исключает даже самую возможность обсуждения в литературе вопросов этики и морали. В ответ на это Ленин указал, что «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергает взорную побуждению к свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободу волю» (т. 1, 4-е изд., стр. 142).

Но вернемся к нашей теме. Мы живем в эпоху социализма, когда изучение положительного содержания нашей литературы, ее и сегодня живых традиций является делом столь же важным, как и раскрытие ее критическо-сатирической направленности против строя, который в нашей стране уже ликвидирован. Могут возникнуть те же вопросы, что и в традициях мы много пишем: о народности, патриотизме и т. д. Да, пишем. Но в такой общей форме, при которой исчезает не только индивидуальное своеобразие писателя, отличающее Пушкина от Гоголя, Тургенева от Шедрина, но и различие художественного творчества от публицистических трактатов. Происходит это потому, что наука о литературе совершенно недостаточно специализируется, т. е. совершенно недостаточно работает над созданием той методики, с помощью которой можно изучить специфику художественного творчества и которая не может быть применена, например, к изучению географических описаний.

Возьмем рядовой литературоведческий труд. Он состоит обычно из следующих элементов: 1) биография писателя, 2) выяснение социального содержания его творчества, 3) история наиболее выдающихся произведений, 4) отзывы критики, несколько слов о значении писателя для современности. Все это нужно, но данная схема и методика изучения с одинаковым основанием годны для изучения неславянской литературы и для изучения литературы родного языка. А вот того, что может быть выяснено только методами науки о литературе — анализа своеобразия художественного метода писателя, принципов претворения им определенных идей в тончайших элементах художественной формы, этого мы в литературоведческих работах как раз и не находим. Не находим потому, что марксистско-ленинскую методологию литературоведческих исследований еще во многом предстоит создавать. Но над с совершенной ответственностью сказать, что создавать ее нам придется самим, что для нас ее предварительно не подготовили, хотя путь к ней указали и прочный теоретический фундамент для дальнейшего построения ее мы имеем. Надлежит поставить вопрос о посылках художественного творчества как особым процессом, являющимся в одной из высших форм отражения материального мира в человеческом сознании, а не об описательно-исторических попытках Гершензон, или Айхенвальда прощать «душ» поэта. Точно так же и при изучении художественной формы иносюжет у нас все теоретические основы для того, чтобы избежать как технологического понимания формы, так и подмены изучения ее бесчисленными арифметическими подсчетами пиррихий и спондеев.

Одной из главных наших задач является синтетическое изучение художественного творчества путем использования и объединения всех достижений литературной науки, — истории литературы, текстологии, языкознания и т. д. на фундаменте марксистско-ленинской теории. Следует сказать, что каждая из дисциплин науки о литературе имеет заметные достижения, но опыты синтетического изучения литературы почти нет. В свое время дифференциация различных дисциплин литературоведения была неизбежна, но теперь внутренняя замкнутость любой из этих дисциплин (даже текстологии) ведет к узости и односторонности трактовок материала, подлежащего изучению.

Таким образом, перелом в науке о литературе нельзя добиться без перелома в нашем отношении к теории литературы.

30-томное издание сочинений И. Франко

КИЕВ. (От наш. корр.). Институт украинской литературы им. Шевченко Академии наук УССР готовит к изданию собрание произведений классика украинской литературы Ивана Франко. В собрание войдут прозаические, поэтические, драматургические произведения, публицистические статьи, письма великого писателя. Собрание будет состоять из 30 томов и выйдет в свет в течение 1946—1947 гг. в издательстве ЦК КП(б)У «Радянська Україна». Утверждена редколлегия, в которую вошли академики А. Корнейчук, П. Тычина, А. Беллицкий, М. Возник, Ю. Таранович, Е. Кирилюк, Д. Кошца и Ю. Кобыляцкий.

«сатель» выпустило в свет поэтические сборники Л. Дмитрико «Багряное утро», М. Долгого «Далекая трава» и А. Ющенко «К родной земле».

В Одесском областном издательстве вышла книга стихов молодого поэта-фронтовика А. Уварова «Шумят платаны».

В государственном издательстве УССР вышла книга стихов поэта-фронтовика П. Дорского «Дальне заграви» («Далекие заревы»). В Харьковском отделении Госиздата Украины вышли книги детских писательниц Н. Забияки «Марина Дмитриевна» и О. Ивановой «Лесные сказки».

Украинское издательство «Советский писатель» выпустило в свет поэтические сборники Л. Дмитрико «Багряное утро», М. Долгого «Далекая трава» и А. Ющенко «К родной земле».

В Одесском областном издательстве вышла книга стихов молодого поэта-фронтовика А. Уварова «Шумят платаны».

В третьей части «Путешествий Гулливера» — в путешествии в Лилупу — Свифт обращает свою сатиру и против умозрительной, оторванной от жизни науки и против науки, враждебной народу. Ученым Лилупу удалось создать чудо техники: они нашли способ поднимать в воздух, посредством магнита, огромный летающий остров и регулировать его движение. Но изобретение лилупу не пошло на пользу народу. Король Лилупу, живущий на летающем острове, пользуется им для порабощения своих подданных. Если на материке вспыхнет восстание, остров нависнет над мятежными городами и селами, лишает их и солнечного света и дождя; а если и это не сломит сопротивление, то остров опускается прямо на головы непокорных и сожигает их вместе с их домами. Свифт добавляет, прочем, что король и его министры прибегают к этому крайнему средству с опаской: с одной стороны, оно способно вынудить к ним народную ненависть, а с другой — может причинить большой вред их собственному имуществу, находящемуся на континенте, и даже повредить основание самого острова — основу их власти.

Столь же неутешительны и результаты деятельности других лилупских мыслителей. Среди них есть немало далеких от жизни фантазеров, упрямых безумцев, которые напрасно пытаются тактиковать, засеять поля мякиной, извлекать из аккумуляторов питательные вещества. Но самым безумным из всех проекторов Лилупу, по горько-ироническому заключению Свифта, оказываются философы, мечтающие о перестройке общественной жизни по законам разума и справедливости. «Эти несчастные предлагали способы убедить монархов выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных; научить министров принимать в расчет общественное благо; награждать людей достойных, талантливых, оказавших обществу выдающиеся услуги; учить монархов познавать их истинных интересов, которые основаны на интересах их народов... и, наконец, другие дикари и невозможные фантазии, которые никогда еще не зарождались в головах людей здравомыслящих». Так, например, Свифт приходит к выводу о тщетности надежд, возлагаемых утопическими просветителями на «просвещенный абсолютизм». Само социальную утопию он излагает в заключительной, четвертой части «Путешествий Гулливера». Утопия эта, воплощенная в образе патриархальной республики добродетельных лилупцев-гуннигов, чужда и безразлична. Гунниги, противопоставленные здесь утратившим человеческий облик одичавшим чезека-горам, они не знают ни разницы цивилизованной. Они не знают ни разницы народного недо-

Джонатан СВИФТ

Гоббс доказал, что все живое
Большой войны между собой,
Войны малых битв есть,
Но к равным не дерзает лезть.
Обыкновенный, средний кит
Селадок сто сест — и сыт.
Волк есть ягненок, а лисица
Гусенком любит поживиться.

Но у рифмующих пород,
Как видно, все наоборот!
У них царит такой обычай:
Сильнейший — слабую добыча,
Коль вы взобрались на Парнас,
Не вы глотаете, а вас.
Любой ничтожнейший пинтик —
Ваш самый беспощадный критик.
Но сам он тоже, в свой черед,
Кому-то в котле попадет!

Натуралистами открыты
У паразитов паразиты,
И обнаружил микроскоп,
Что на клопе бывает клоп.

КРИТИКИ

Питающийся паразитом,
На нем — другой, ad infinitum.

Так шах собрал, тоской томим,
Кусает тех, кто перед ним,
Кусает больно и обидно,
Хоть само подчас не видно.
Всем провинция он раздает:
«Дурак», «писак», «идиот»,
«Рифмач», «ничтожная козявка»,
«Подвешенный книжный прилавка».
Поэтам ставит он в пример
Таких поэтов, как Гомер,
Скорбит о том, что нынче геней
Не получает поощрений,
Или о том, что вкуса нет
У поколения наших лет.
Что вы бездарны, без предски,
Нешадо обманет он.
Теперь поэтов не рожден,
— Рерий сказать, свое же братню,
Что также кормится печалью!.

Перевод С. МАРШАК

вних Гулливера» невозмутимая почтительность, с какой Гулливер рассказывает о призрачных правителях утопических государств министров, определяются умением писателя на канате и прыгать через папку, которую подставляет им император и Лягушка (где каждый, кто представляется королем, должен приближаться к его трону ползком, слышавшая пыль с пола аудензал).

Но ирония Свифта обращается им и против самого просветительского разума. Критикуя, подобно другим передовым писателям Просвещения, неразумность основного строя, политическую коррупцию, неправедные захватнические войны, колониальное угнетение, религиозные суеверия и т. д., он лишен иллюзий относительно реальной деятельности этой опьяненной критики разумом, оторванной от общественной практики, оторванной от народа. Иронически звучит уже подзаголовок «Сказка о бочке», «написанной для общего совершенствования человеческого рода». И глубокой горечью проникнуто шутливое, по видимости, «Отступление касательно происхождения пользы и успехов безумия в человеческом обществе», где Свифт приходит к печальному выводу, что в существующем обществе «высший предел блаженства» доступен лишь «человеку, ловко околотившему» это «блаженное состояние дурака среди плутов».

Сам он отказывается считать себя самообманом; и по мере того, как он все более убеждается в расхождении идеального просветителя с реальным ходом истории, трагедия человеческого разума становится едва ли не основной темой его творчества.

Как и все просветители, Свифт не знает более надежного руководителя человеческого рода, чем разум, дарованный ему самой природой. Но, опасаясь своих современников, он отдает себе отчет в шаткости отвлеченного, «чистого» разума для переустройства мира; более того, со скорбью убеждается он в том, что в условиях социального угнетения и неравенства победы самого разума — достижения науки,

завоевания техники — могут становиться враждебными интересам человечества. В Бродягине в стране добрых великанов-лигмиф-Гулливер хочет услужить королю, открыв ему секрет приготовления пороха и принципы артиллерийского дела. Он раскаивается о снаряды, которые все только уничтожают целые отряды солдат, но разрушают до основания самые крепкие стены, пускают ко дну громадные корабли с тысячами людей, а сковавшие цепью вместе раскесают махты и снасти, крушат на кукисы сотни человеческих тел и сеют кругом опустошение; о бомбах, которые падают на «сажаемые города, где они взрывают мостовые, разносят на куски дома, зажигают горы, разбрасывая во все стороны осколки, которые проламывают через каждую стену, отступая назад, и предлагают королю Бродягине научить его мастеров изготовлять таких гигантских орудий, которые несколько часов разрушат крепостные стены самого большого города в его владениях и обратят в развалины всю столицу, если бы население ее осмелилось оспаривать право монарха на абсолютную власть.

К удивлению Гулливера, король великанов с негодованием отвергает его предложение. «Он был поражен, как может такое бесчисленное и ничтожное насекомое, каким был я (это его собственное выражение), но только питать столь бесчеловечные мысли, но и до того свыкнуться с ними, что его совершенно перестает трогать сны кровожадности и опустошения и изобретение летящих птиц, падающих на головы врагов, и предлагая королю Бродягине научить его мастеров изготовлять таких гигантских орудий, которые несколько часов разрушат крепостные стены самого большого города в его владениях и обратят в развалины всю столицу, если бы население ее осмелилось оспаривать право монарха на абсолютную власть.

К удивлению Гулливера, король великанов с негодованием отвергает его предложение. «Он был поражен, как может такое бесчисленное и ничтожное насекомое, каким был я (это его собственное выражение), но только питать столь бесчеловечные мысли, но и до того свыкнуться с ними, что его совершенно перестает трогать сны кровожадности и опустошения и изобретение летящих птиц, падающих на головы врагов, и предлагая королю Бродягине научить его мастеров изготовлять таких гигантских орудий, которые несколько часов разрушат крепостные стены самого большого города в его владениях и обратят в развалины всю столицу, если бы население ее осмелилось оспаривать право монарха на абсолютную власть.

Велимир Хлебников

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Творчество Велимира Хлебникова до настоящего времени мало известно народам СССР. До сих пор еще существует мнение, что Хлебников «непонятен», что он «поэт для поэтов». Этим совершенно неадекватным представлением о Хлебникове чита- тель в значительной мере обязан издателям, искажавшим тексты почти всех его стихов, и историкам литературы, создавшим ему ложную репутацию. Историческое осмысление Хлебникова, его живое ощущение всей тридцатилетней жизни русского народа отражено от читателя не вполне вразумительным термином «сарказм». С большим основанием можно было бы назвать Хлебникова «анахронизмом», так как в своей поэтической системе он словно «застрял» во времени, свободно перелетая прошлое с настоящим и с будущим. Что касается псевдонимов, то Хлебников не соответствует творчеству Хлебникова, которое — это именно прямое обращение к миру.

В статье «Эпоха поколений» (1914) Хлебников писал о том, что Тютчеву «присуща высокая вера в высокие судьбы России». Эту характеристику можно применить к самому Хлебникову. Россия и ее историческая судьба, борьба русского народа за свою самостоятельность — главнейшая тема эпической поэзии Хлебникова, проходящая во всем его творчестве. Хлебников верил в неисчерпаемую нравственную силу своего народа, гордился его прошлым и предсказывал ему великую историческую будущность.

Враг лозунга «искусство для искусства», Хлебников писал в 1912 г.: «Одна из глав творческих — видеть перед собой тот мир, для которого пишешь, и искать этому миру место на осях жизни этого народа». Пессимистической «каменной» лирике декадентов и модернистов с ее рафинированными западноевропейскими традициями Хлебников противопоставил русскую народную поэзию, утверждающую радость жизни. В отличие от модернистов, не сумевших разломать тесный эстетический круг, Хлебников, благодаря его «эпическому демократизму», никогда не прерывавшей связи с народным эпосом, сказкой, песней, удалось впоследствии создать свои замечательные поэмы, рассчитанные на широкий социальный резонанс («Ладомир», «Ночь в ослеп», «Ночь перед Свотами», «Горячие полки» и др.).

Уже в ранних своих поэмах («Кримироско», «Журвалы», «Маркиза Дездея» и др.) Хлебников выступил, как крупнейший реформатор русского стиха. Каноничным формам мелодического стиха символизма Хлебников противопоставил «эпический» размер живого разговорного языка, волевой ритм Хлебникова восходит к фольклорной поэзии (равинский и былинный) и к разговорной стиху комедии и балла (Крылов, Грибоедов). Установка на разговорный стих привела Хлебникова к разработке новых типов ритма — ономимических, составных, консонансов и др. Таким образом, Хлебников предрекает путь поэтического развития Маяковского, создавшего систему тонического стиха. Маяковский и называл Хлебникова своим поэтическим учителем.

Вместе с тем Хлебников, более чем все другие русские поэты XX века, связан с культурой классического стиха. Быть может, никто из поэтов, писавших после Пушкина, не дал таких великолепных ямбов, как Хлебников. О генетической связи своего стиха с пушкинским Хлебников говорит в поэме «Олег Трупов» (1916):

Как голубь, если палестина,
Взвуч упалет в синий тап,
И герцо, Пушкина сиваеца,
Его душа в чудный час,
И взвуч, упав на эти строки,
Видел над простыми ямбами,
Словом столетия шестра,
Поет мой диче оветы.

На прозу Хлебникова громадное влияние оказал Гоголь. Творчески к гоголевскому методу житейского повествования можно обнаружить почти во всех прозаических произведениях Хлебникова («Великая дядя», «Смерть Паливова», «Жителю гор», «Малиновка шапка», «Еврей»).

В условиях русской дооктябрьской действительности поэт мечтал о взаимодействии культур всех народов, населяющих нашу многоплеменную страну. Хлебников прокламатор необходимости расширения пределов русской словесности. Широкое эпическое пространство поэзии Хлебникова вобрало в себя разномыслие элементов — из украинского фольклора, из литовской мифологии, из гудульских народных сказок и даже из оронской космогонии (см. ряд произведений 1912—1913 гг., «Ефим в Галлиция», «Мава Галицийская», «Дети Вавилон», «Жюль и др.). Он знал богатейшее литературное наследие кавказских народов и использовал его в своих поэмах. Дельви и Мажуванчи Низами, творчество которого стало достоянием русской поэзии в наше время. Высоко ценит Хлебников и иугурский эпос — поэму Юсуфа из Балагуна «Кудатту-билек», которой тогда интересо-

Велимир Хлебников

важась только специалисты-тюркологи. Русской дооктябрьской действительности Хлебников не принимал, и поэтому не случайно, что раннее его творчество обращено к прошлому и к будущему. Хлебников предвещает близкое падение самодержавия (статья «Учитель и ученик»). Чрезвычайно метки и высказывания Хлебникова о взаимоотношениях России и Германии, как настоящего и непримиримого врага всех славянских народов.

Об агрессивных, тогда еще «полезных», пригнобленных Германии Хлебников говорит в двух статьях, напечатанных за год до первой мировой войны («Кто такие угро-россы?» и «Эпизодный друг»). Идеологом обреченной борьбы с славянофильством Хлебников саркастически напомнил об одном из питательных качеств русского народа — его «немецкости» (какое крылатое хлебниковское словцо!).

С первых же дней революции Хлебников, никогда не отделивший своей жизни поэта от жизни страны, стал деятельнейшим строителем новой, советской культуры.

Поэт, которого считали как-то «человеком не от мира сего», писал агитационные стихи для батальонского и пятагорского РОСТА, был лектором политехника Каспийского флота, участвовал в иранском походе Красной Армии. Вот запись в одной из «облачных» тетрадей поэта, свидетельствующая о его дружбе с краснофлотцами: «Моряки! Вы делили со мной кашу, а я хочу пожелать с вами мьясы».

В своих монументальных поэмах 1920—1922 гг. Хлебников прославляет революцию и говорит о занятии ее законений. Приведу здесь поэму «Бегет невольником» строки об Октябрьских событиях в Петрограде:

Нова, сегодня киниток
Безо ниц, выстрел и шипит
А вдалие ночной светок,
Танцевальный и рини!
Городской выстрел, стальной помпал!
Обыкновенный! Милла, милла, милла!
Долети, пошу ятому
И с деловой вилло!
Вест, выключи! Не вымать!
Ничому не сорвать
С тобой ниоу бус,
Светит Сиванова!
Ничому сорвать!
Взвуч в синие!
Руке нагнана
Не сорвать, звездный шипак
Синяе
Советская власть в руки правду забрала.

Приведу еще отрывок из стихотворения «Союз Молодежи», посвященного комсомольцам — защитникам социалистической родины в 1918—1920 гг.:

Русские мальчишки, ямбами
Три года означившие народный удар,
Знают, и любуются нами,
Самой доброй и лучшей дитыи труда,
Изли обрившие зубы,
Где зловонная гора —
Деловый ироничный изумительный
Взвуч, ветели и молоты,
Бельюры, засыпаны на пятак,
Виде неваки холота и голоты,
Взвуч про постель и о подушках.

Патетическая интонация этого стихотворения родственна одам Маяковского.

У Хлебникова не было ни одного прижизненного собрания произведений. Подготовленного к печати самим автором. Известно его открытое письмо (1914), где он просит издать издание (напечатанных в некаждом виде и без разрешения автора) и его ранних словотворческих экспериментов, как «предзнававшихся отнюдь не для печати». Ошибки прижизненных изданий Хлебникова до сих пор не изгнаны из изданий посмертных.

Сейчас, после разгрома фашистской Германии, живой голос Хлебникова должен быть услышан всеми.

* Пятнужно по черпонику. Середина строки осталась невыполненной.

КИРГИЗСКИЕ ПРОЗАИКИ

С. ЛИПКИН, К. РАХМАТУЛИН

Первые письменные произведения киргизской литературы появились только в конце XIX века. Естественно, что ранние беллетристические произведения советских писателей Киргизии, даже такие яркие, как рассказы К. Баялинова «Аджар», носили на себе печать условной поэтики фольклора.

В 1932—1933 годах появляются «Каныбек» К. Джангошева, «Храбрый» К. Маликова, «Дальний путь» М. Элебаева и другие крупные романы и повести, посвященные прошлому киргизского народа. Проза постепенно завоевывает страницы журналов, привлекает киргизского читателя, еще недавно слушателя народных акынов, воспринимать роман и повесть, как явление искусства.

И киргизский читатель быстро оценил имена трех наиболее значительных прозаиков: Аалы Токомбаева, Тугельбай Сыдыкбекова и Касымалы Баялинова.

В повести «Раннее сердце» Аалы Токомбаев рисует историю одной многострадальной киргизской семьи — стурганцев: так назывались участники восстания 1916 года, вынужденные бежать в ближайший китайский город Турфан. Беглецы погибли от голода и бездорожья горных высот, и только немногим удалось вернуться на родину.

Это памятное для киргизского народа событие, участником которого был сам автор, правдиво изображено в повести. Особенно подробно описаны бурные, горные тропинки, занесенные снегом юрт, в которых спят как живые, скривившись, группы окоченевших людей.

Читатель, воспитанный на реалистической манере русского и западноевропейского повествования, стиль А. Токомбаева покажется необычным. Однако, читая, вы невольно будете читать, почувствует несомненное влияние русской романтической прозы XIX столетия. Идея от поэтики народного творчества, А. Токомбаев сумел создать нечто новое, оригинальное. Поэтому даже такие рассказы, как написанные по сказочным мотивам «Дат» или «Ответ мудреца», исполнены художественной самобытности, глубокой народной мудрости. Все эти достоинства токомбаевской прозы наиболее полно отражены в повести «Тайна одного старика», посвященной ее автору. Прозаик, несмотря на романтически приподнятый стиль, в «Тайне одного старика» перед читателем прокладывает реальные картины бытия дореволюционного ала.

Рядом с романтиком А. Токомбаевым в киргизской литературе работает такой «голова костей» реалист, как Тугельбай Сыдыкбеков. Его первый роман «Кен-Су» — отражение великих событий, связанных с коллективизацией. Становление колхозного строя посвящен и второй его роман «Гемир». Читая Сыдыкбекова, мы знакомимся со старинным укладом киргизов. Герой романа, со всеми своими национальными особенностями, эти летские нравы, немного лукавые, добродушные люди сразу привлекают наше внимание. Мы понимаем, что они, несмотря на патриархальность их взаимоотношений, — новые люди, каких не могло быть в дореволюционном ала. Много связанных деталей, своеобразная борьба, напряженные восторженные моменты, удающиеся всякие преобразования, но участвующие в религиозно-родовых сшибках, — заставляют читателя следить с неослабевающим интересом за развитием сюжетных линий этих романов.

Неланто Т. Сыдыкбеков закончил первую книгу романа «Люди наших дней». Уже те главы, которые опубликованы в печати, позволяют нам утверждать, что новый бытовой роман Т. Сыдыкбекова — значительное явление киргизской литературы. Роман интересен не только широтой охваченного материала (действие происходит в Киргизии в дни Отечественной войны), но и точной зарисовкой среды, обычая, но и настоянным желанием автора развить намеченные им в предыдущих романах характеры людей советской эпохи.

Жизнь колхозников в дни войны, героический труд, неустанная жажда справедливости, призыв к единству к чуждым чувствам трудового товарищества, явление к человеческому достоинству, к опыту старших, к пытливым порывам молодости, чистая и сильная любовь к родине — все это изображено автором с несомненным проникновением в переживания героев, с теплым сочувствием к их человеческим судьбам.

Автор следует упрекнуть в некоторой излишности тона, в перегруженности мелкими, зачастую ненужными бытовыми подробностями, а в особенности — в недостаточной строгости композиции. Роман разросся за счет излишних деталей, но способен по

рою уготить читателя медлительностью развертывания описаний и психологических характеристик второстепенных событий и персонажей. Некоторые характеры нарисованы очень скучными линиями и наделены весьма упрощенным внутренним содержанием. Эти недостатки во многом искупаются удачными образцами Чарына, Акмата, шоловиной Гулиар, старухи Камки. Выразителен язык романа, а особенности в диалогах, отмеченном сдержанным юмором, пересыпанном шутками, поговорами. Неотрывные сцены (гуляние на берегу озера, прогулка на фронте) зачитываются в памяти благодаря своей живости и реалистическому освещению.

Новый роман Т. Сыдыкбекова — яркое свидетельство роста киргизской литературы в целом, прошедшей за двадцать лет своего бытия эволюционный путь от безыскусственной песни к монументальным формам романа.

В Киргизии, как и во многих братских республиках, начинается расцвет прозаического жанра. Помимо романа Т. Сыдыкбекова, появились интересные повести Касымалы Баялинова «Светлые», рассказы Т. Саманича, А. Убукеева и других беллетристов.

Первый рассказ К. Баялинова «Аджар», о котором мы уже упоминали, чрезвычайно популярен в Киргизии. Он был переведен в 1930 году на русский язык, а с русскоязычными французским и немецким. После долгого молчания К. Баялинов вновь повесть «Аджар» вынул из шкафа. Вышедший инструктор райкома партии молодой герой Джалпар возвращается после тяжелого ранения в родной ала, становится директором школы, руководителем агитколлектива. Кипучая деятельность увлекает его, заставляя забыть о своем физическом недостатке. Джалпар убеждает, что он — необходимо звание в общей созидательной работе страны, и вместе с этим крепнущим убеждением приходит к нему большое личное счастье.

К. Баялинов острее многих киргизских писателей ощущает воспитательное значение литературы. Его повесть написана просто, искренно, сюжет ее развивается естественно. Но дидактические намерения автора, к сожалению, слишком ясны для читателя, слишком «показательны» его герои. Эта однообразность не мешает повесть стать одной из самых читаемых, особенно в среде молодежи, для которой, в сущности, она предназначена.

Рассказ Т. Саманича «Невеста» вызвал многочисленные читательские отклики. Вот его содержание: шofer полюбил девушку, которая была ему близка. Шofer ужасно страстно полюбил ее. Шofer ужасно страстно полюбил ее. Шofer ужасно страстно полюбил ее. Шofer ужасно страстно полюбил ее.

Рассказ ценен прежде всего потому, что наиболее полно отражает определенное направление в киргизской литературе. Это направление характерно отрицанием бытового романа, борьбой с этнографическим. Однако Т. Саманич, при всех своих благих намерениях, написал рассказ, хотя и острый по теме, но сухой, лишенный красок, часто сбивающийся на конспект.

По своему пути пошел А. Убукеев. Его рассказ «Отца» насыщенный бытовыми подробностями, но автор мастерски проник в психологию мальчика, от лица которого ведется рассказ.

В киргизской прозе мы наблюдаем общие недостатки — схематичность в изображении персонажей, слабую композицию, перегруженность второстепенным материалом. Эти недостатки приходится отнести за счет молодости киргизской литературы, которая еще борется за разрешение больших общесоциальных нравственных задач. Киргизские писатели не только знают жизнь своего народа, но и способны видеть ее в ее истинности. Им нужно уметь видеть жизнь опытным писательским глазом, нужна политическая зрелость, нужна высокая культура. Как помогло бы киргизской литературе кропотливое, тонкое, творчески-восприимчивое, а не поверхностное изучение художественных приемов русской классической литературы? У киргизской литературы есть великая и общая для всей советской литературы задача — раскрыть духовный мир, духовную мощь советского человека-победителя, человека Сталинской эпохи. Учасу у русской литературы, киргизские писатели разрешат эту задачу.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ПЕСНИ АШУГОВ

БАКУ. Республиканский дом народного творчества ведет подготовительную работу к празднованию 28-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Народные поэты пишут стихи, с чтением которых выступают на агитпятах, в воинских частях, госпиталях, рабочих богазничьях, на заводах и фабриках республики. В

районах Азербайджана организовано около 60 агитбригад. На хлопковых заводах и колхозных полях рабочие и колхозники услаживают новые песни ашугами. Тема этих песен — первый Октябрь после победы над злейшими врагами родины — фашистской Германией и Японией.

ПЛОХИЕ РАССКАЗЫ В ХОРОШЕМ ЖУРНАЛЕ

В № 12, посвященном спорту, напечатан рассказ В. Карбовской «Нептун — бог моря». Дезушасно-спортивная, рекламная по плаванью, явно влюбляется в корреспондента, пишущего о плавании. Рассказ написан той же развлекательной, ошибочно принимаемой за остроумие, с которой пишет и Олег Емельянов: «Мужская половина держит настроение и приднично шепчется к красотам стила. Обидно же, в самом деле! Какой-то собственный, никем не выдвинутый корреспондент окочалов первую рекордсменку, самую хоршенькую девушку на волной станции. И главное — заочной! И это в то время, когда перед глазами загорелые красавцы самых лучших оттенков от ветчинно-красного до шоколадно-коричневого».

Вирта в рассказе «Одна из двадцати мечетельных подижек советской женщины». Это, в сущности, говоря, очерк, который автора свойственную очерку значительную достоверность и не приобрел свойственную маленькому рассказу острую сюжетную форму. А. Писемский в рассказе «Была война» описывает историю мальчика, оставшегося в сожженном немцами селе и одиночестве. Вот как примитивно и сентиментально изображены переживания мальчика: «Эти губы его целуют перед сном. Кто целовал его раньше? Только мама. Эти руки его кормят, когда он голоден. Кто кормил его так вкусно? Только мама. Эти глаза смотрят на него с лаской и тоской. Так смотрела на него только мама».

Выясняется, что Нептун — бог морей (псевдоним корреспондента) — не умеет плавать, но рекордсменка, похваляющаяся над ним, все-таки продолжает его любить.

Несмотря на то, что положения в рассказе не заключают в себе ничего необычайного, они кажутся неправдоподобными. Происходит это оттого, что люди, действующие в рассказе, ничем не напоминают реальных людей, и язык, которым говорят герой и автор, — выдуманный, мимико-характерный язык.

В этом же номере рассказано много интересных историй о бояхх и теннисистах, боксерах и пловцах. Кажется, что герой Карбовской живет совсем в другом мире, ничем не похожем на мир советского спортсмена.

В рассказе может быть изображено положение исключительное, редко случающееся. Оно покажется правдоподобным, если будет вытекать из правдивого видения характера, если мы узнали героя и поверили в него. Вспомним, сколько удивительных совпадений кажутся нам естественными в рассказах Генри потому, что герои его всегда по-настоящему характерны, за ними стоит правда не логически построенного, а увиденного образа. Автор сообщает нам только несколько наиболее характерных его черт, но мы этого человека видели раньше, и нам нетрудно узнать значительное, угадать о нем все, чего не мог сообщить автор. Это возможно при том обязательном условии, что герой существует, герой не выдуман, а увиден, выдуман, полагаясь к положению, и может заменить точность и верность авторских наблюдений.

Несколько напечатанные в журнале рассказы написаны опытным писателем. Но почти все они мало интересны. Николай

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В. ШКЛОВСКИЙ ОЧЕРКИ О МОРСКИХ ЛЕТЧИКАХ

Мы будем еще много раз перелистывать и перечитывать фронтные газеты. Короткие статьи, маленькие клеше, очень конкретные заметки — и за всем этим большое дело великой войны.

Читатель как-нибудь старую фронтную газету с деловыми указаниями, как перелистывать реку на подводных средствах, как делать плотины, и вспомнит осенний, многогодный Сож и только что перевернувшиеся наши дивизии, преследующие немцев, и как будто снова слышишь рассказы бойцов.

Фронтная газета была рассчитана на людей, которые живут среди войны. Незачем было им описывать военный ландшафт, не зачем было рассказывать об обстановке, о своем оружии, о погоде, о поле сбитых, об описании артиллериста, находящегося в волнах сотрясаемого выстрелами и взрывами воздуха.

В старых книгах славянской печати самые употребительные и в то же время самые легкие слова давались под титлами, в сокращениях. Так в сокращениях давались война во фронтной газете.

Книга А. Ивича «На Черном море» состоит из кратких очерков, большинство которых было опубликовано во фронтной печати. В книге за отдельными эпизодами видна война, за каждым полетом — военное задание.

В первом очерке «На севере Крыма» рассказывается о том, как было доказано то, что «Яковлев-1» может догонять «Мессершмитт» и может с ним драться.

Для этого приходится изменять характер боя; надо отказаться от охоты типичной для первого этапа войны. Изменяется строй — стрелковая свобода, тяжелоснайпер, не дающий достаточной свободы маневрирования, заменяется плавным полетом.

На втором этапе войны советские летчики вернутся бой на вертикаль и, познания психологию немцев, которые одновременно авантюристы и косны, опровергают немский шаблон советским мастерством. При этом индивидуальность летчиков не подавляется, их очерк становится еще более ярким, но они сражаются, имея целью не удачу отдельной схватки, а удачу операции.

Третьим этапом военного мастерства был коллективный бой.

Летчики, воспитанные своими командирами, принимают бой тогда, когда они хотят, и ведут бой, взаимовыступая друг с другом. Двадцать истребителей в воздухе неразрывны, как пара самолетов. Они мгновенно

А. Ивич. «На Черном море», Военморлаг. 1945, стр. 102. Цена 3 руб.

понимают намерения ведущего и выполнят по короткому радиосигналу нужный маневр.

Четвертый этап — это полное овладение боем, сражением, в котором самое главное — глубина замысла. Истребитель стремился не столько сбить самолеты врага, но, главное, сохранить свои бомбардировщики и штурмовики. В результате количество сбитых немецких самолетов не уменьшалось, но летчику приходилось решать целесообразность каждой атаки. Он должен был рассматривать атаки в глубокой и неразрывной связи с обстановкой в воздухе. В истории войны это стадия победы.

Эта схема, нами коротко рассказанная, образно раскрыта в нескольких очерках книги А. Ивича, которая может служить учебником для летчиков, потому что, если изменить самолеты, то дисциплина боя всегда будет объектом изучения и история войны всегда злободневна.

Однако книга А. Ивича нам кажется написанной только для летчиков. Ощущение полета во время боя, пейзаж боя ушуены, потому что автор предполагает все это известным.

В результате, читатель как бы не получает места на самолете. Он не может принять участие в бою; его читательское сочувствие ограничено.

Приведем пример. Автор рассказывает, как летчик Владимирский в шестую погоду идет в разведку. Разведка перерастает в шестой ряд боевых эпизодов. Летчик прорывается в облаках, скрывается в туманной пелене, но больше всего он идет почти над самой землей бродящих полетом, истребляя фашистов, стиснутых на узком шоссе.

Для того, чтобы читатель получил ощущение близкого воздушного боя, надо было написать шесть-десять строк для изображения полета на шоссе почти под колесами самолета.

Но автор ограничивается воспоминанием. Он называет действия, он составляет как бы отчет, который интересен лишь военному летчику. Превращение военного очерка в художественный для широкого читателя здесь не завершено.

Книга Ивича и сейчас — хорошая, нужная книга. В ней нет фальшивой беллетристики, в ней есть простота делового описания.

Автор не должен утерять то, что уже достигнуто, — военную деловитость. Нужно сделать книгу наглядной и найти простые слова для описания полета, который стал боем. Тогда фамилии людей, совершающих подвиги, станут именами героев книги. Дорога от очерка к высокой прозе — дорога в сторону, а дорога вперед.

И. СЕРГИЕВСКИЙ ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ГЛЯНЕЦ

Книга воронежского литературоведа В. Тонкова о И. С. Сергиевском представляет собою популярный очерк жизни и творчества поэта. Написана она вполне литературно, с несомненным знанием дела. Работа в местных архивах и собрании дела автору возможность использовать, — правда, не в больших дозах, — некоторые свежие документальные материалы.

К сожалению, в наиболее ответственной части книги — там, где автор пытается дать идею и художественную характеристику Сергиевскому, он в большой мере остается во власти готовых фразеологических шаблонов — малоконкретных и малосодержательных. «В славном ряду русских писателей-партистов И. С. Сергиевский занимает почетное место». Поэт видел страдания угнетенного народа. Крестьянская Россия представлялась ему «стартом ороба» и «целью». Как подлинный патриот, он не мог не тяготиться. Мгновенно сочувствуя страданиям народа, Сергиевский хотел видеть свою родину могучей и свободной. Произведения Сергиевского отличаются глубиной чувства, реализмом художественных образов

и богатством народной поэтики (?—И. С.). «Глубокая правдивость выдвигает Сергиевского в качестве основного положительного свойства художественной литературы». Все эти формулы до такой степени общи, что вместо имени Сергиевского здесь могут быть поставлены десятки других имен — без всяких изменений.

О противоречиях жизненного опыта Сергиевского, о слабых сторонах его мировоззрения и творчества очень часто высказывались в свое время Чернышевский и Добролюбов. Автор настоящей книжки знает эти суждения, но, привлекая их, нарочно их смягчает, по сути дела, полностью вытрагивая при этом их критическое содержание. Все это — никак не на пользу для книжки, в которой элементарное явное преобладает над историко-литературным и историко-культурным анализом.

Многие моменты жизни и творчества Сергиевского, которые могли бы сообщить создаваемому автором иконономному облику живые черты, — черты человека определенной исторической эпохи и определенной социальной среды, — в книжке затоптаны или даже просто ободены.

Довольно скудной литературы о Сергиевском не книжка не обогащает.

В. Тонков. «Сергиевский», Воронежское областное книжное издательство, 1945, стр. 31. Цена 6 руб.

А. ТАРАСЕНКОВ БАНАЛЬНЫЕ СТРОКИ

Грустно становится, когда закрываешь эту маленькую книжку стихов, грустно и за автора, и за редактора, и за издателя, Иван Федоров, повидному, молодой поэт, имя его до сих пор не появлялось в печати.

Очевидно, он многое испытал, много видел на фронте, — об этом можно догадаться по темам его стихов. Но редактор и издатель вялый в грубую ошибку, полагая, что они покровительствуют молодому таланту: книжка стихов И. Федорова лишена какхлибо творческих элементов. Вся она состоит из комбинации привычных образов, стандартных эпитетов, давно разработанных в русской поэзии интонаций, приемыкавшихся размеров, бедных и вялых рифм.

«Синею небо», «песнь пыла вдоль тихих берегов», «степей родимых шелка», «благословенная земля», «мы вместе бьем коварного врага», «бегут гурьбой веселые ребята», «вольный ветер с нами», «поганые немцы», «синеглазая дивчина провозглаша казак», «солнце счастья и весна», «зори славного Кремля», «склоняют низко ветки над рекою тополя», «цвет молодости бодрящая», «колхоза тучные поля», «ветер... летит целует асфальт устем».

Этот длинный список коротеньких пятисловных стихов Ивана Федорова убеждает в отсутствии у автора собственного поэтического слуха. Его грамота, но безжизненно, все якобы художественно, а на самом деле лишено какого бы то ни было темперамента.

Взвешивая голубь синорыдаль,
Посели на тихий Дон,
Почему не пожелать
Новогодний мой покой.

Дон здесь может быть легко заменен Волгой или Амуром, новогодний покой первомайским приветом. Это показывает манера И. Федорова, выработанная задолго до него и лишняя признаков самобытности. И. Федоров от имени воинов обращается к труженникам тыла:

И вот, когда стальным пытком прозаво
Я тут так врать, мне чудится порой,
Что ты, любимый, мне помогаешь
Своем улыбкою, но сильною рукой

Это настолько плохо, что особых доказательств не требуется. Вспомним, как хорошо говорил Александр Блок:

«Не следует давать имя искусства тому, что называется не так; для того, чтобы давать произведения искусства, надо уметь это делать. В этих веселых истинах здравого смысла, перед которыми мы так грешны, можно поклоняться веселым именам Пушкина».

К стихам И. Федорова сказанное Блоком имеет самое прямое отношение.

Иван Федоров. «Донские стихи», Ростовское областное книжное издательство, 1945, стр. 16, стр. 16. Цена 2 рубля.

Л. ТООМ ЛЮБИМАЯ КНИГА ЭСТОНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

«Мститель» — популярное произведение эстонской литературы, любимая книга эстонской молодежи, впервые появилась в печати в 1880 году. Автору книги, Эдуарду Борнгрете, было тогда всего 18 лет. «Мститель» — историческая повесть о востании эстонцев против своих угнетателей — немецких помещиков и рыцарей Ливонского ордена в 1343 году, о так называемом «востании Юрьевой ночи».

Герой «Мстителя» — Янус, сын свободного эстонского крестьянина, получивший хорошее, по тому времени, образование. Дед Януса Вахур, человек богатирской силы, когда-то спас епископа из лап медведя и за это получил свободу и землю. Вахур завещал сыну Тамбету беречь свободу и не доверять немцам. Но Тамбет старается ладить с немцами. Он посылает Януса учиться у монахов, хочет сделать из него барина, но в Янусе живет свободолобная душа деду. Гордый и мужественный, он не желает «стелиться перед угнетателями и скорбят о судьбе народа».

Первое столкновение Януса с немцами произошло, когда мальчику было всего 15 лет. С детства он дружил с детьми владельца соседнего замка Лодияри—Эмийдеи и Одо фон-Рауена, но после одной сточки с замочником Одо знакомство с обидчиками Януса приходит конец. Через несколько лет возникает новый более серьезный конфликт между Янусом и фон-Рауенами. Янус дает приют бедному крестьянину из замка, жестоко избитому юноше Максусу. Злобный, мстительный Одо со свитой влюбленных слуг и гостей скачет к усадьбе Януса, требует выдачи раба; он получает отказ и вместе со свитой выступает в ружейной бой с ко-

злевами и слугами усадьбы Януса. Слуг убивают, отца Януса ранят и берут в плен,

Из Джона Китса

Слава

Дикарка-слава избегает тех, Кто следует за ней толпой послушной...

Горлячка к тем влюбленным холодеет, Кто без нее счастливым быть не хочет...

Она — пыганка, Нильская волна Ее лица видела отраженьице...

Ты с ней простишься утихо, — и с рабой Она пойдет, быть может, за тобой.

Кузнецик и сверчок

Вовек не замрет, не прекратится Поэзия земная. Когда в листе, От зноя ослабеет, стихают птицы...

Поэзия земная не знает смерти. Пришла зима, в полях метет метель, Но вы, поэты, не вернетесь к труду...

Стихи, написанные в Шотландии, в домишке Роберта Бернса

Прожили мы так мало бранных лет, Мне довелось на час занять собою Часть комнаты, где славы ждал поэт...

Ячменный сок волнует кровь мою. Кружится голова моя от хмеля. Я счастьем, что с великой тенью пыю, Ошеломлен, своей достигнул цели.

И все же, как подарок, мне дано Твой дом измерить мерными шагами И вдруг увидеть, приткрыто окно, Твой милый мир с холмами и лугами.

Ах, улыбаюсь! Ведь это же и есть Земная слава и земная честь!

Сонет о сонете

Уж если суждено словам брести В оковах тесных — в рифмах наших дней — И должен век свой коротать в плену Сонет глупый, — как бы нам спести Сандали потоньше, понежней...

Осень

Пора туманов, зрелости полей, Ты с поздним солнцем шепчешься тайком, Как наши дозы сделать тяжелей...

Твой склад в амбаре, в житнице, в дупле, Бродя на воле, можно увидать Тебя сидящего в риге на земле, И велика твою везает прядь...

Где песни вешних дней? Ах, где они? Другие песни славят твой приход: Когда зажег пологаски огни Над опустевшим полем небосвод...

БУДУЩИЕ КНИГИ

Основной работой, которая заняла и занимает мои мысли по возвращении в родной Киев, была драматическая поэма об Ярославе Мудром...

ность вызвать в воображении современного читателя и зрителя благородный и такой дорогой и близкий нам образ Ярослава — мудрого строителя Киевской Руси...

„ЗЕЛЕНАЯ ЗЕМЛЯ“

Обсуждение романа А. Улитса

РИГА. (От наш. корр.) В Клубе Союза советских писателей Латвии широко обсуждается роман Андрия Улитса „Зеленая земля“...

По мнению Р. Эгле, эпоха, изображенная в романе (последняя четверть прошлого столетия), показана очень правдиво, и роман Улитса следует отнести к наиболее ярким произведениям латышской литературы...

В заключение слова А. Улитса выражают надежду, что произведение его пробудит и у других латышских советских писателей желание обратиться к жанру романа...

ХУДОЖНИК ФОРМИРУЕТ КНИГУ

Издательство „Молодая гвардия“ проводит ряд организационных мер с целью улучшить полиграфическое оформление книг...

Недавно издательству передана типография „Красное знамя“, которая дает возможность пользоваться различными способами печати...

ПАМЯТНИКИ КЛАССИКАМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

По решению правительства, на Комитет по делам искусств возложено проектирование и сооружение памятников классикам русской литературы...

В Москве будет установлено несколько памятников. Народный художник СССР С. Меркуров работает над проектами памятников Н. Гоголю и Л. Толстому...

Над проектом памятника М. Лермонтову работает заслуженный деятель искусств А. Матвеев и Б. Яковлев. А. Толстому — скульптор Г. Мотовилов...

Над проектом памятника А. Грибоедову работает В. Боголюбов, В. Лишев и Г. Кеппов.

На днях Художественно-экспертный совет будет обсуждать проекты памятника А. Чехову, работы скульпторов С. Лебедевой, Е. Белешовой-Алексеевой и А. Матвеева.

ОЧЕРЕДНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

„ЗНАМЯ“ № 10. В десятом номере журнала „Знамя“ будут напечатаны: биографический роман А. Фадеева „Молодая гвардия“, рассказ Галины Николаевой „Где была командирша“, очерк Л. Славина „Последние дни фашистской империи“...

НОВЫЕ КНИГИ

Обложки книг Н. Тихонова „Черты советского человека“ и П. Лидова „Таня“, изданных в Ростове-на-Дону. В. Гончаров. „Адмирал Севянин“. Биографический очерк о выдающемся русском флоте. Стр. 142. Цена 4 руб. 60 коп.

М. МОРОЗОВ

Джон Китс

Обычно принято говорить о двух поколениях поэтов английского романтизма. К старшему принадлежат Вордсворт, Кольридж и Валтер Скотт; к младшему — Байрон, Шелли и Китс.

Джон Китс родился в последние дни октября (дата точно не установлена) 1795 года в Лондоне. Он умер в Италии от чахотки 23 февраля 1821 г., на двадцать шестом году жизни. Современники, за исключением нескольких друзей, не оценили творчества Китса...

В отличие от Байрона и Шелли, Китс был из „простых“. Отец его занимался извозным промыслом и отдавал на прокат экипажи и лошадей. Когда Джон окончил школу, он поступил подмастерьем в аптекарю, затем обучался аптекарской профессии в одной из лондонских больниц...

ненависть к реакции, культ героев, борющихся за свободу народа — все это захватило Китса, и когда Хант вышел из тюрьмы, куда он был посажен за политический памфлет, Китс приветствовал его освобождающими восторженными стихами...

его стихов была встречена холодным молчаливым критиком. Но после появления поэмы „Эндимон“, крупнейшего произведения Китса, разразилась гроза. „Попрошайтесь с музками, многообещающей молодой человек!.. Лучше и умнее быть голодным аптекарем, чем голодным поэтом.“

Байрон в „Дон Жуане“ намекает на то, что эта поэма была причиной смерти Китса. Это, конечно, не совсем так. Но если Китс отнесся к печатной ругани с внешним спокойствием, то все же беспощадная травля, вполне возможно, ускорила ход его роковой болезни.

„Поэзия земли не знает смерти“, — писал Китс. В его стихах мы видим не только „лучезарные отражения“ действительности, в них всегда есть что-то интимное, теплое, живое. Вдумайтесь в тему его „Эндимона“. Пастух Эндимон влюблен в богиню луны, в образ идеальной красоты. Он ищет пути к ней. Но вот встречает он индийскую девушку, которая следовала за Ваком — во время торжественного шествия его по Востоку...

Не случился самый выбор стихов. Сонет „Кузнецик и сверчок“ говорит сам за себя. „Стихи, написанные в домишке Роберта Бернса“, намекают на глубокую связь между Китсом и гениальным народным поэтом Шотландии. Знаменитый сонет о славе напоминает нам индийскую девушку из „Эндимона“ („Она — пыганка, Нильская волна“...). И, наконец, величественный гимн бытия. Китс к поэзии Ренессанса, воспевавшей изобилие природы...

В СЮЖЕТЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВЕЧЕР МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

23 октября состоялось первое после летнего перерыва заседание поэтической секции ЦСЛП. С чтением своих стихов выступили: В. Тушинова, М. Львов, В. Уран, А. Межиров, И. Байков, А. Кронгауз, С. Гудзенко.

У большинства из них, несмотря на различные таланты, поэтическое Temperamentum и направления, есть одна общая черта — Отечественная война является органической темой всего их творчества.

Участники обсуждения высоко оценили стихи А. Межирова. Критикуя недостатки новой поэмы С. Гудзенко, выступавшие все же подчеркивали своеобразие его дарования, верный глаз, убедительность образов.

Много упреков пришлось выслушать В. Урану. — В. Уран обладает поэтическим темпераментом и живым ощущением фронтовой жизни, — говорит А. Тарасенков, — но рядом с талантливо найденными строчками у него встречаются надуманные, а подчас и безкусные образы, а поэтическое волнение иногда заменяется пустой декламацией.

Фольклор Великой Отечественной войны

Народное творчество всегда было отличительно ко всему, чем живет наша страна. В лучших произведениях, созданных народом в дни Великой Отечественной войны, запечатлены и беззаветная любовь к своей родине, и ненависть к ее врагам, и горе народа в суровые дни войны, и его торжество в дни победы.

Среди стихов М. Львова рядом с удачными произведениями можно встретить недоработанные и слабые. По мнению А. Тарасенкова, И. Байков больше других находится во власти различных поэтических влияний, его стихам недостает огня, темперамента.

А. Софроню дает новую оценку стихам И. Байкова, считая, что, несмотря на многие погрешности, они привлекают искренностью и задумчивостью.

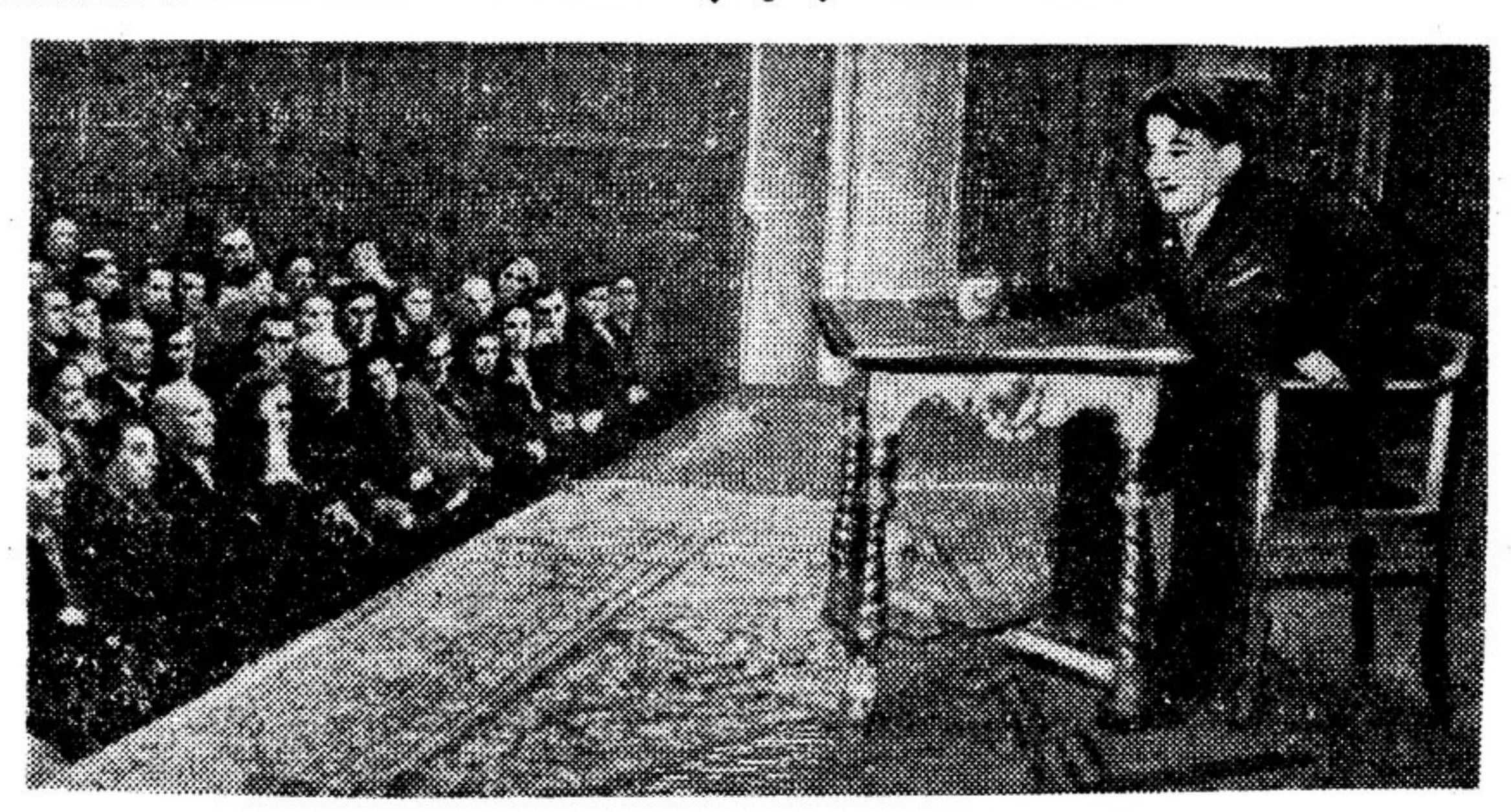
Говоря об отдельных неточностях в стихах В. Тушиновой, участники обсуждения отметили, что они оставляют хорошее впечатление, несмотря на некоторую камерность звучания.

Режкой единодушной критике подверглась поэма А. Кронгауза, отрывки из которой автор прочитал на вечере. По мнению выступавших, в поэме все слабо, вяло, неубедительно. Следует сделать упрек руководителю секции: нельзя на одном заседании слушать и обсуждать сразу семь различных поэтов.

У писателей Ленинграда

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) На последнем заседании секции прозаиков ЛенСЛП И. Меттер прочел рассказ „Женитьба“. Тема рассказа не оригинальна: муж и жена, разлученные войной; разлука и встреча... Но автор изобразил прототипную дорожку, хотел найти новые приемы изображения интимных чувств и переживаний людей, прошедших сквозь огромные испытания.

участие в обсуждении, единодушно отметили, что И. Меттер настойчиво работает над трудным жанром современной новеллы и рассказа. В рассказе „Женитьба“ многие из заданных поставленных перед автором, разрешены. Однако рассказ в целом мешает „литературные языки“, вторгающиеся в ткань повествования и мешающие раскрытию образов героев.

На вечере И. Андроникова в Московском доме ученых. Фото Л. Доренского (фотохроника ТАСС)

В ночь перед твоим рождением

— Ну вот, что я Гурвича не знаю? Гурвич маленький — с бородой. — С бакенбардами Гус. — Почему Гус? — Я не знаю почему, но только Гус. — Гус не надо! Надо тебе, с бородой! — вычитывает Гурвич Сизифову и снова берет за трубку.

— Михаил Петрович? — вкрадчиво бубнит он. — Подарочек вам приоткрылся. Да, да, билеты на премьеру. Вы все работаете, пора вам и отдохнуть. А без вас какая же премьера? И артисты не так играют, и пресса не знает, не кого ориентироваться. И работа ваша вы так поставили, что либо-либо это общее мнение, Михаил Петрович. Так и знайте — не придет, премьеру отложу! Ждем!

— Ну вот, что я Гурвича не знаю? Гурвич маленький — с бородой. — С бакенбардами Гус. — Почему Гус? — Я не знаю почему, но только Гус. — Гус не надо! Надо тебе, с бородой! — вычитывает Гурвич Сизифову и снова берет за трубку.

— Зачем же его звать? — удивляется Сизифов сон завлит. — Затем, что ежели его не позовут, он обязательно напишет и разнесет все в дым. Такой уж характер! Завлит опять спит, и Сизифов никак не может успокоиться. Со страшной силой нажимает он кнопку звонка, и вымучивающийся секретарша встает перед ним, как лист перед травой.

— Да, хлебом мы горя с этим Сизифовым! Да, у него премьера, так прямо хоть телефон выключай! — И зачем весь этот Сизифов труд! — устало говорит второй. — будет хороший спектакль! — лопкал, плохой — поугарам. К чему все эти штуки, холодная и горничная обработка? Ведь мнит себя дипломатом, наперно, Талейраном этики...